

УДК 94(571.56)+811.512.157“195/196”

А. А. Сулейманов

Деятельность Института языка, литературы и истории по исследованию якутского языка в арктических районах Якутии в 50—60-е годы XX века

В работе на основе анализа опубликованного источникового материала и архивных данных, в том числе впервые вводимых в научный оборот, реконструирована история исследования в арктических районах Якутии якутского языка в 1950—1960-е гг. В связи с этим показаны персональный состав и география реализованных инициатив, определены их основные направления и полученные результаты. Отмечено, что изыскания, осуществленные в рассматриваемый в статье период, послужили фундаментом для подготовки в последующие десятилетия обобщающих работ по якутской диалектологии, стали источником аккумуляции значительных социолингвистических и фольклорных материалов, а также способствовали формированию целого поколения выдающихся ученых-якутоведов.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, коренные народы, научные исследования, экспедиции, якутский язык.

В настоящее время якутский язык является одним из наиболее востребованных на северо-востоке Российской Федерации. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., его носителями являются свыше 450 тыс. человек, основная масса которых проживает на территории Республики Саха (Якутия) [5]. Между тем вплоть до 30-х гг. прошлого века научное изучение якутского языка базировалось скорее на инициативе отдельных исследователей-энтузиастов, чем на поставленной на систематические начала работе [32, с. 58—59]. Ситуация изменилась к лучшему с созданием в 1935 г. при Совнаркомом Якутской АССР Научно-исследовательского института языка и культуры и, в особенности, после организации в Якутске базы (1947 г.), а затем филиала (1949 г.) Академии наук СССР, куда это учреждение вошло уже под названием Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) [1, с. 5; 3, с. 93—95].

На тот момент якутский язык был самым распространенным в Якутии и активно «замещал» родную речь для представителей других аборигенных этносов республики. Вместе с тем и сам якутский язык испытывал на себе влияние иных языков. В первую очередь, естественно, русского, а также эвенского и эвенкийского. Предполагается, что в том числе под воздействием двух последних в якутском языке фактически образовались две диалектные зоны. Для одной, восточной, где шли активные контакты с эвенским населением, был характерен неогубленный вариант произношения слов (так называемое «аканье»), для западной же, «эвенкийской», — огубленный вариант («оканье») [28, л. 5—48]. При этом якутская речь имела отличия не только по названным диалектным зонам, но и по районам, где, например, не совпадали лексические значения одинаковых в написании слов и т.п.

Впервые существование фонетических различий внутри якутского языка выявил в середине XIX в. академик О. Н. Бетлингк [2]. Еще через полвека автор грамматики якутского языка С. В. Ястремский отметил, что следует говорить о диалектных различиях [34]. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского был аккумулярован материал, содержащий различные вариации «оканья» и «аканья» [12]. Разработчик же первого якутского букваря 1918 г. С. А. Новгородов заявил о наличии в якутском языке именно двух говоров (диалектов) [11]. Этот исследователь внес также значительный вклад в формирование литературного якутского языка, за основу которого был взят «окающий» вариант как господствующий в центральных районах Якутии. Позднее разработка проблемы су-

© Сулейманов А. А., 2017

ществования в якутском языке «акающего» и «окающего» диалектов получила развитие в трудах Л. Н. Харитонова и Е. И. Убрятовой [30; 31; 33 и др.]. Однако точные границы между этими диалектами к началу рассматриваемого периода так и не были установлены, как и само их происхождение. Оставались также вопросы и по адаптации населения «акающих» районов к литературному якутскому языку. Все эти аспекты, естественно, требовали глубокой научной проработки.

В 50-е гг. XX в. лингвисты ИЯЛИ приступили к планомерному изучению диалектных особенностей якутского языка, сосредоточившись первоначально на проведении работ в центральных, западных и южных районах Якутии — Сунтарском, Усть-Алданском, Орджоникидзеовском (Хангаласском), Ленском, Олекминском и др. В арктических районах республики, где речь якутов имела свои особенности, что позднее было отражено в выделении здесь двух из четырех диалектных зон распространения якутского языка — северо-западной и северо-восточной, — аналогичные работы начались во второй половине 1950-х гг.

С 16 марта по 27 апреля 1956 г. в Верхоянском районе изучением якутского языка занимались аспиранты ИЯЛИ П. С. Афанасьев (руководитель) и Н. В. Емельянов. П. С. Афанасьев проводил исследования в северных и восточных наслегах района (Эльгесский, 1 Эгинский, Адычинский, Табалахский), а также в Борулахском, Н. В. Емельянов — в южных (Арылыхский, Сартанский, Дулгалахский и Янский). Общая протяженность маршрутов участников экспедиции составила порядка 2000 км [14, л. 1—2].

В ходе изысканий исследователи опросили 74 человека, заполнили 43 анкеты, специально разработанные для проведения диалектологических экспедиций в Якутии, записали 150 страниц лингвистического материала, а также около 280 страниц фольклорных произведений (предания, сказки, песни, загадки и др.). Характеризуя разнообразие выявленных образов фольклора, П. С. Афанасьев отметил, что «у верхоянских якутов, занесших в этот далекий и суровый край скотоводческую культуру, якутское устное поэтическое творчество развивалось так же интенсивно и ярко, как и в центральных районах» [24, л. 38].

В результате анализа собранного полевого материала была составлена общая характеристика говора якутов Верхоянского района. Исследователи выявили его значительные отличия от литературного якутского языка, которые выражались прежде всего в лексическом составе (наличие «неизвестных» литературному языку слов, архаизмов, иного значения ряда терминов), а также фонетике, морфологии и синтаксисе. Верхоянский говор они отнесли к группе «акающих», в то же время отметив «довольно часто встречающиеся» отклонения от его норм. Афанасьев и Емельянов установили, что специфические черты говора якутского населения Верхоянья были более устойчивы у людей старшего и среднего поколений. Молодежь же, «недавно покинувшая школьную скамью», была более свободна от «диалектизмов» и «предпочитала литературные формы». Кроме того, участники экспедиции определили и территориальные особенности распространения норм литературного якутского языка в Верхоянском районе: в расположенных ближе к Центральной Якутии южных наслегах их использовали и пожилые люди [14, л. 2—5].

Практически одновременно проводились исследования якутского языка в Среднеколымском районе. 3 марта — 31 апреля здесь работали младший научный сотрудник ИЯЛИ Н. К. Антонов (руководитель) и лаборант этого института Е. Н. Аммосова. Так же как и в Верхоянском районе, изыскания участников экспедиции велись раздельно: Антонов посетил Байдинский, 2-й Мятисский, Алазейский, 1-й и 2-й Кангаласский наслега; Аммосова — г. Среднеколымск, 1-й Мятисский и Сень-Кюельский наслега.

Во время исследований был опрошен 61 информант и собрано 39 анкет по говору среднеколымских якутов. На основе полученных данных участники экспедиции выявили его ключевые фонетические, морфологические и лексические особенности. Кроме того, был собран значительный массив фольклорного материала: 72 бытовых, 30 исторических и 17 охотничьих рассказов, 41 песня, около 300 загадок, 9 отрывков из «Олонхо», 8 пословиц, 7 сказок, 5 заклинаний (алгысы охотников и шаманов) и 2 чабыргахи — самобытные сатиро-юмористические произведения якутов [14, л. 6—9].

В 1957 г. изучение говоров якутского языка специалистами ИЯЛИ было продолжено в Абыйском, Момском и Аллаиховском районах.

На территории первого из них исследования осуществлялись Антоновым в населенных пунктах Уолбутского, Урасалахского, Абыйского и Мугурдахского наслегов. С 1 марта по 8 апреля ученый собрал 23 лингвистические анкеты, записал 32 рассказа, 23 песни, 38 загадок, 7 пословиц, воспоминания о гражданской войне, сказку и отрывок из «Олонхо» [13, л. 6—7]. Антонов установил, что говор якутов Абыйского района относится к «акающим» и имеет ярко выраженные особенности в словарном составе (значительное количество «местных» слов) и грамматическом строе (специфика построения предложений и др.), характерные для северных районов Якутии [13, л. 7].

В Момском районе изыскания проводила аспирант ИЯЛИ Е. И. Коркина. С 9 марта по 27 апреля она работала в Индигирском, Тебюлехском, Догдо-Чыбагалахском и Улахан-Чистайском наслегах, совершив маршруты общей протяженностью свыше 1000 км.

Как и в ходе предыдущих экспедиций, исследовательницей были выявлены существенные лексические, морфологические и фонетические отклонения местного говора от литературного якутского языка. В частности, она записала слова, которые не встречались в последнем, относились к архаизмам или имели иное значение. Так же как и годом ранее П. С. Афанасьев и Н. В. Емельянов в Верхоянском районе, Е. И. Коркина отметила лучшее владение литературным языком молодежи и устойчивость самобытного момского говора у людей старшего и среднего возрастов. Исследованный говор был отнесен ею к «акающим». Кроме того, Коркина рассмотрела проблему влияния эвенов на язык якутского населения Момского района. Его степень она оценила как «незначительную»: были выявлены только 4 слова, прочно вошедшие в речь якутов, а также ряд географических названий и имена людей [13, л. 1—4; 17, л. 1—152].

Младший научный сотрудник ИЯЛИ П. П. Барашков и привлеченный для сбора полевого материала Н. М. Заболоцкий в течение 24 апреля — 24 мая исследовали язык якутов Аллаиховского района. В Юкагирском, Аллаиховском, Бьягнырском и Берелехском наслегах они собрали 23 анкеты по говору, записали значения 300 местных слов, а также 20 рассказов и 15 песен [13, л. 20].

Барашков отметил основные специфические элементы якутского языка в исследованном районе. К ним прежде всего он отнес оригинальное произношение (ударение на первом или втором слоге), которое «особенно сильно чувствовалось у женщин» — этот факт ученый объяснил их более тесными контактами с эвенами. Одновременно были выявлены морфологические, лексические и фонетические особенности. Язык якутского населения Аллаиховского района являлся преимущественно «акающим», однако достаточно часто встречалось «оканье» и оригинальное «эканье», что также, по мнению П. П. Барашкова, являлось следствием тесных межэтнических контактов [13, л. 19—21; 21, л. 1—59].

Кроме трех рассмотренных экспедиций ИЯЛИ организовал в 1957 г. еще одно исследование на севере Якутии. С 28 июля по 28 августа с этой целью в Усть-Янский район был командирован студент Якутского государственного университета Е. Н. Томский.

В результате изысканий, проводившихся в населенных пунктах Туматского и Омолойского наслегов, а также в с. Казачье, были заполнены 17 анкет, записаны 243 оригинальных местных слова, 51 загадка, 5 рассказов, 4 песни и 3 предания [13, л. 35—36].

На основе полученных Томским сведений, материалов корреспондентов, а также лингвистических данных экспедиции И. С. Гурвича 1953—1954 гг. младший научный сотрудник ИЯЛИ М. С. Воронкин составил характеристику говора якутского населения Усть-Янского района. Ученый отметил, что, несмотря на наличие в местном говоре достаточного количества «окающих» элементов, его следовало отнести к «акающим». Данный факт являлся прежде всего следствием активной миграции населения из «акающих» Алданского и Верхоянского районов. Воронкиным был выявлен оригинальный лексический пласт, употребляемый в быту, оленеводстве, охоте и рыболовстве. Эти диалектизмы, по мнению исследователя, сформировались в результате «иноязычных заимствований при соприкосновении с эвенками, русскими, юкагирами и чукчами», а также представляли собой «общек якутские архаизмы». Значительным было эвенское влияние и на грамматические особенности говора якутов Усть-Янского района. Так, ученый установил широкое употребление эвенских аффиксов и увеличительных [22, л. 1—98].

В 1958 г. обследованию подверглось еще два района: Саккырырский и Булунский. Изыскания проводили сотрудники ИЯЛИ Е. И. Коркина (младший научный сотрудник, начальник отряда), А. А. Билюкина (лаборант), В. Д. Кривошапкина (препаратор), а также приглашенный для сбора полевого материала А. А. Кузьмин. В. Д. Кривошапкина с 23 марта по 3 мая работала в Саккырырском районе, остальные участники экспедиции — в Булунском (12 марта — 8 мая). В ходе исследований было заполнено 72 анкеты по говору и записано около 600 страниц иного лингвистического материала [16, л. 1].

Представляется любопытной лингвистическая ситуация, выявленная Коркиной в Булунском районе. Четыре тысячи коренного населения, проживающего в нем, в официальных документах относилось к эвенкам. Однако было установлено, что ни один из местных жителей не говорил ни на эвенкийском, ни на эвенском языках. Лишь в Хараулахском наслеге «сохранились единичные старики, которые помнят отдельные эвенские слова, но не способны в целом разговаривать на эвенском языке». При этом, отмечает ученый, «даже глубокие старцы (80—90 лет)» утверждали, что «исконным языком, на котором говорили их родители, родители их родителей, был этот же самый язык, на котором они говорят сегодня (т.е. якутский. — А. С.)». Более того, некоторые из опрошенных «диву давались», что их родной язык «является не эвенкийским, как они все время полагали, а якутским» [16, л. 2].

Говор населения Булунского района был отнесен исследователями к «окающим». Исключениями являлись «акающие» жители Борогонского и Хараулахского наслегов, что Е. И. Коркина объяснила принадлежностью этих административно-территориальных единиц до 1930 г. к Верхоянскому району. Сравнивая литературный якутский язык и местный говор, участники изысканий отметили ряд особенностей последнего. Как и в ходе предыдущих исследований, рассмотренных выше, эти особенности прежде всего были характерны для его лексического состава. В частности, исследователи выявили около 100 слов, «неизвестных» литературному языку, большинство из которых было эвенского происхождения, а часть — архаизмами. Распространение получили и русизмы — слова, заимствованные из русского языка. Также было зафиксировано употребление ряда понятий в ином значении, чем в литературном языке [16, л. 2—8; 18, л. 1—144].

Говор якутов Саккырырского района, где изыскания были проведены в Нижне- и Верхнебытайском наслеге, являлся «акающим». В. Д. Кривошапкина установила особенности его лексического состава, а также фонетические отклонения от литературных

норм. Исследовательница отметила «незначительное влияние», которое оказало достаточно многочисленное эвенское население района на якутский язык. Помимо этого она записала 256 местных загадок, 6 рассказов, 2 чыбаргахи и отрывок из «Олонхо» [16, л. 8—12].

В том же 1958 г. исследования якутского языка проводились в Жиганском районе. В них принимали участие П. П. Барашков и привлеченная для сбора полевого материала Е. Е. Олесова. Во время изысканий, осуществлявшихся в населенных пунктах Линдинского и Ленского наслегов, а также в Жиганске, было заполнено 24 анкеты поговору, собраны текстовые лингвистические материалы [19, л. 9].

На основе полученных сведений Барашков составил описание говора жиганских якутов. По мнению ученого, этот говор имел значительно больше общих черт с языком, употреблявшимся в центральных районах Якутии, чем с северными говорами. Вместе с тем имелись и определенные отличия от литературного якутского языка. В отношении лексического состава они были связаны в первую очередь с хозяйственной деятельностью оленеводов Ленского наслега и их тесными связями с эвенками. Эвенкийское влияние на жиганский говор было установлено П. П. Барашковым и в области морфологии: местное население в своей речи использовало специфические уменьшительно-ласкательные формы [19, л. 1—130].

В 1959 г. научное изучение говоров якутского языка было продолжено в северо-западных Анабарском и Оленекском районах.

В Кирбейском, Оленекском, Жилиндинском и Шологонском наслегах Оленекского района соответствующие работы проводила Е. И. Коркина. По ее замечанию, несмотря на то что коренное население этого района, так же как исследованного годом ранее Булунского, в официальных документах относилось к эвенкам, в реальности было практически на 100% якутоязычным («могут разговаривать на эвенкийском менее десяти человек и то лица, приехавшие в последние годы из Эвенкийского национального округа» [18, л. 3]).

Продолжая дискуссию, которая развернулась в начале 50-х гг. XX в. на страницах журнала «Советская этнография» и касалась проблемы национальной принадлежности коренного населения северо-западной Якутии, Е. И. Коркина разделила взгляды И. С. Гурвича и Б. О. Долгих, скептически относившихся к официальным данным переписей населения в этом ареале и полагавших, что речь следует вести о существовании в регионе особой этнографической группы северных якутов-олленеводов, образовавшейся во второй половине XIX в. на основе слияния эвенков и русских старожилов с активно мигрировавшими на север якутами [6, 7, 9, 10, 29].

В связи с этим исследовательница отметила, что, по мнению опрошенных ею местных жителей в Булунском и Оленекском районах, «население именует себя эвенкийским далеко не для выражения своего национального самосознания, а “скорее всего потому, что так нас записали, когда составляли списки”» [20, л. 8]. Вместе с этим не существовало и грани в материальной и духовной культуре, хозяйственной деятельности, обычаях и нравах, которая «позволила бы разделить эвенков и якутов», так как местное население представляло в этом отношении «единое целое» [20, л. 2—9].

Собранный Е. И. Коркиной диалектологический материал (35 специальных анкет, 200 страниц различных текстов) «показывал большую близость, если не общность оленекского говора с говором булунских якутов» [20, л. 9]. Так же как и последний, говор якутоязычного населения Оленекского района не имел отличий от литературного якутского языка в звуковом составе, а его основные особенности сводились главным образом к лексике: Коркина установила ряд специфических терминов, заимствованных из эвенкийского языка, и наличие «общек якутских архаизмов» [20, л. 9—126].

Исследования в Анабарском районе в период с 5 марта по 16 апреля осуществил младший научный сотрудник ИЯЛИ П. С. Афанасьев. В ходе экспедиции им было заполнено 25 специальных анкет по говору, записано 400 страниц лингвистического и фольклорного материала, включавшего 12 песен, 3 сказки и 6 преданий. Сравнительно небольшое количество зафиксированных образцов устного народного творчества якутов ученый объяснил в целом плохой сохранностью традиционного фольклора среди населения района.

Анализ полученного полевого материала позволил Афанасьеву подготовить лексическую, фонетическую и грамматическую характеристики говора анабарских якутов. Он, согласно выводам исследователя, являлся «окающим». Наряду с общими чертами с группой говоров северных районов Якутии в данном говоре имелись и значительные оригинальные элементы, сформировавшиеся, по мнению П. С. Афанасьева, главным образом под эвенкийским и русским влиянием. Это влияние, в частности, выразилось в большом количестве заимствованных понятий, необычных для литературного якутского языка синтаксических сочетаниях, специфическом употреблении некоторых глагольных категорий, а также своеобразном произношении ряда слов [15, л. 15—21].

Наряду с изысканиями на Анабаре в 1959 г. Афанасьев совершил новую поездку в Верхоянский район. Ее задачами являлись «уточнение и выяснение отдельных вопросов по местному говору» [15, л. 22]. С 1 по 24 июля ученый посетил районный центр п. Батагай, где работал с материалами местного архива, а также г. Верхоянск, с. Боронук Бабушкинского наслега и животноводческий пункт колхоза им. Бабушкина «Ойуук Ирэгэ». Исследователь осуществил наблюдения за речью аборигенного населения, произвел опрос 13 информантов и собрал образцы нескольких растений «для установления научного эквивалента местных названий» [15, л. 22—24].

Проведенная работа позволила П. С. Афанасьеву получить дополнительный материал по интонации и особенностям расстановки ударений носителями верхоянского говора, топонимике и флористической терминологии [24, л. 39].

В 1962 г. исследование говора верхнеколымских якутов осуществил младший научный сотрудник ИЯЛИ П. Н. Габышев. Работы проводились с 22 ноября по 30 декабря в п. Зырянка, с. Верхнеколымск, с. Арылах и участках Арылахского отделения совхоза «Верхнеколымский» «Таала Куол», «Хабыппыт» и «Тыастаах».

В ходе изысканий было заполнено 2 анкеты по говору (по признанию самого Габышева, он сознательно «уклонился от намеченного в программе» и сделал основным методом «запись связной речи со стороны и путем тематических бесед») и от 25 информантов записаны 452 страницы лингвистического материала, включавшего в том числе 160 охотничьих терминов [23, л. 1—2].

Анализируя собранные полевые данные, ученый пришел к выводу, что местный говор, отнесенный им к «акающим», «богат и интересен во всех без исключения лингвистических аспектах». П. Н. Габышев выявил более 400 «диалектных» слов, отличающих речь верхнеколымских якутов, отметил ее «уникальные ритмико-интонационные особенности», которые «прямо-таки шокировали» впервые приезжавших в эти места жителей центральных районов Якутии, а также ряд специфических черт в области синтаксиса и морфологии [25, л. 7].

Любопытны замечания ученого, характеризующие богатым и живым языком выявленные им фонетические особенности верхнеколымского говора: «сразу, буквально с борта самолета, попадаешь во власть исключительно своеобразной речевой сферы... Человек, проживший в гуще коренного населения с полгода-год, а то и меньше, начинает говорить по-колымски “певуче”. Произвольно возникает сравнение с настройкой музы-

кального инструмента. Этот дар, по-нашему, приходит раньше всего — употребления местных слов, оборотов и пр.» [25, л. 5]. Причиной фонетических и иных отличительных черт верхнеколымского говора, выявленных Габышевым, являлось, по его мнению, влияние эвенского языка («ритмико-интонационный строй верхнеколымской речи по общему своему рисунку созвучен с таковым предполагаемой северо-восточной общности говоров, совпадающей со сферой функционирования эвенского языка») [25, л. 9]. К сопутствующим факторам сохранения значительной самобытности речи верхнеколымских якутов ученый отнес «исключительную редкость» (один-два раза в неделю) национальных радиотрансляций из Якутска (т.е. вещания на литературном якутском языке), а также формирование кадрового состава местных школ, как правило, за счет жителей Верхнеколымского района, являющихся, естественно, носителями местного говора [25, л. 1—90].

13—27 апреля 1964 г. в населенных пунктах Кюсюр, Саскылах и Юрюнг-Хая Булунского и Анабарского районов исследования по темам «Якутский фольклор» и «Говоры якутского языка» проводили участники Долганской экспедиции ИЯЛИ М. С. Воронкин (руководитель), П. Е. Ефремов (младший научный сотрудник этого института) и доктор филологических наук Е. И. Убрятова (Отдел гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР). Исследователи осуществили наблюдения за речью местного населения, опросили 12 информантов, записали фольклорные тексты (сказки, предания, загадки), сделали фотоснимки жителей и панорам сел. Кроме того, в целях выяснения происхождения семей, в которых имелись носители языка, были переписаны сведения о них, содержащиеся в местных похозяйственных книгах. Основной же объем изысканий в рамках экспедиций был выполнен на территории Таймырского национального округа в период с 30 апреля по 8 июня 1964 г. [26, л. 1—84; 27, л. 1—7].

Данные исследования фактически завершили этап сбора в арктических районах Якутии первичных сведений, касающихся диалектных различий в якутском языке. Вскоре начался новый этап, который характеризовался иным уровнем анализа и обобщения аккумулированного материала. Уже в 1969 г. сотрудники ИЯЛИ приступили к составлению лингвистического атласа говоров и диалектов якутского языка [28], в 1976 г. опубликовали «Диалектологический словарь якутского языка» [8], а в 1980 г. — «Очерк диалектологии якутов» [4].

Однако эти достижения, естественно, были бы невозможны без той солидной базы, которая была заложена в том числе в результате рассмотренных выше изысканий, охвативших практически все арктические районы Якутии. Помимо выполнения основной цели — сбора в каждом из этих районов материалов, характеризовавших локальные особенности якутской речи и вероятные источники их формирования, — исследователи получили значительный массив данных о социолингвистической ситуации на местах, сохранили для науки значение целого ряда оригинальных слов и терминов, которыми на момент экспедиций владел уже ограниченный круг пожилых людей, а также зачастую уникальные образцы местного фольклора. Другим важнейшим следствием реализованных инициатив стало появление целой плеяды талантливых ученых-якутоведов. Именно в 50-е гг. XX в. начался научный путь будущих докторов наук М. С. Воронкина, Н. В. Емельянова, Е. И. Коркиной, известного фольклориста П. Е. Ефремова и видного диалектолога П. С. Афанасьева.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеев Н. А. ИГИиПМНС СО РАН: этапы истории и перспективы развития // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2010. № 1. С. 5—10.

2. Бетлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск : Наука, 1990. 646 с.
3. Боякова С. И. Арктика и Север в исследованиях ИГИ: научные традиции и современность // Якутский архив. 2005. № 4. С. 93—98.
4. Воронкин М. С., Алексеев М. П. Очерк диалектологии якутов. Фонетика и морфология. Якутск : Якутское кн. изд-во, 1980. 244 с.
5. Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс] // Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf.
6. Гурвич И. С. К вопросу об этнической принадлежности населения Северо-Запада Якутской АССР // Советская этнография. 1950. № 4. С. 150—168.
7. Гурвич И. С. По поводу определения этнической принадлежности населения бассейнов рек Оленека и Анабара // Советская этнография. 1952. № 2. С. 73—85.
8. Диалектологический словарь якутского языка / сост.: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. Новосибирск : Наука, 1976. 390 с.
9. Долгих Б. О. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабары // Советская этнография. 1950. № 4. С. 169—173.
10. Долгих Б. О. О населении бассейнов рек Оленека и Анабара // Советская этнография. 1952. № 2. С. 86—91.
11. Новгородов С. А. Во имя просвещения родного народа. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1991. 232 с.
12. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. 1—3. М. : АН СССР, 1959.
13. Рукописный отдел Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (РО ИГиИПМНС СО РАН). Ф. 5. Оп. 5. Д. 387.
14. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 388.
15. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 422.
16. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 495.
17. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 232.
18. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 279.
19. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 280.
20. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 282.
21. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 318.
22. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 3.
23. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 10.
24. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 30.
25. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 37.
26. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 50.
27. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 50а.
28. РО ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 154.
29. Терлецкий П. Е. Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР // Советская этнография. 1951. № 1. С. 88—99.
30. Убрятова Е. И. Очерк истории изучения якутского языка. Якутск : Госиздат ЯАССР, 1945. 35 с.
31. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 1. Простое предложение. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 304 с.
32. Филиппов Г. Г. История изучения якутского языка и ее перспективы // Вестник Якутского государственного университета им. М. К. Аммосова. 2006. Т. 4, № 3. С. 58—63.
33. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Якутск : ЯкГиз, 1947. 313 с.
34. Ястремский С. В. Грамматика якутского языка. М. : Учпедгиз, 1938. 228 с.

Поступила в редакцию 19.03.2017

Сулейманов Александр Альбертович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского
отделения РАН
Российская Федерация, 677007, г. Якутск, ул. Петровского, 1
E-mail: alexas1306@gmail.com

UDC 94(571.56)+811.512.157“195/196”

A. A. Suleymanov**Activities of the Institute of Language, Literature and History on the study of Yakut language in the Arctic regions of Yakutia. 1950's — 1960's**

The given research reconstructs the history of studying various issues of the Yakut language development in the Arctic regions of Yakutia in 1950's — 1960's on the basis of the published source material and archival data, including that, which has been introduced for the first time into the scope of scientific studying. In relation to this, personnel and geography of the realized activities are given, and their main directions and results are determined. The studies, carried in the period have served as the basis for preparing generalized works on Yakut dialectology the decades as well as a source of accumulating a significant sociolinguistic and folklore material, and provided an entire generation of Yakutologists.

Key words: Arctic Regions, Yakutia, Indigenous peoples, research, expeditions, Yakut language.

Suleymanov Aleksandr Albertovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences,
Siberian Branch
Russian Federation, 677007, Yakutsk, ul. Petrovskogo, 1
E-mail: alexas1306@gmail.com

References

1. Alekseev N. A. IGIiPMNS SO RAN: etapy istorii i perspektivy razvitiya [IGIiPMNS SB RAS: Stages of History and Development Prospects]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 2010, no. 1, pp. 5—10. (In Russian)
2. Betlingk O. N. *O yazyke yakutov* [On the language of the Yakuts]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 646 p. (In Russian)
3. Boyakova S. I. Arktika i Sever v issledovaniyakh IGI: nauchnye traditsii i sovremennost' [Arctic Regions and the North in IGI research: scientific traditions and modernity]. *Yakutskii arkhiv*, 2005, no. 4, pp. 93—98. (In Russian)
4. Voronkin M. S., Alekseev M. P. *Ocherk dialektologii yakutov. Fonetika i morfologiya* [Essay on the dialectology of the Yakuts. Phonetics and morphology]. Yakutsk, Yakutskoe kn. izd-vo Publ., 1980. 244 p. (In Russian)
5. Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 [All-Russian Population Census of 2010]. *Vladienie yazykami naseleniem naibolee mnogochislennykh natsional'nostei po sub"ektam Rossiiskoi Federatsii* [Language fluency among the most numerous nationalities of the regions in the subjects of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf. (In Russian)
6. Gurvich I. S. K voprosu ob etnicheskoi prinadlezhnosti naseleniya Severo-Zapada Yakutskoi ASSR [On the ethnicity of the population of the Northwest of the Yakut ASSR]. *Sovetskaya etnografiya*, 1950, no. 4, pp. 150—168. (In Russian)
7. Gurvich I. S. Po povodu opredeleniya etnicheskoi prinadlezhnosti naseleniya basseinov rek Oleneka i Anabara [On the definition of ethnicity of the population of the Olenek and the Anabar River basins]. *Sovetskaya etnografiya*, 1952, no. 2, pp. 73—85. (In Russian)
8. Afanas'ev P. S., Voronkin M. S., Alekseev M. P., comp. *Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka* [Dialectological dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976. 390 p. (In Russian)
9. Dolgikh B. O. K voprosu o naselenii basseina Oleneka i verkhov'ev Anabary [On the population of the basin of the Olenek River and the upper reaches of the Anabara River]. *Sovetskaya etnografiya*, 1950, no. 4, pp. 169—173. (In Russian)
10. Dolgikh B. O. O naselenii basseinov rek Oleneka i Anabara [On the population of the Olenek and the Anabar River basins]. *Sovetskaya etnografiya*, 1952, no. 2, pp. 86—91. (In Russian)
11. Novgorodov S. A. *Vo imya prosveshcheniya rodnogo naroda* [Enlightenment of native people]. Yakutsk, Yakut. kn. izd-vo Publ., 1991. 232 p. (In Russian)
12. Pekarskii E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Vol. 1—3. Moscow, AN SSSR Publ., 1959. (In Russian)

13. *Rukopisnyi otdel Instituta gumanitarnykh issledovaniy i problem malochislennykh narodov Severa Sibirskogo otdeleniya RAN* [Manuscript department of the Institute of Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences] (RO IGIIPMNS SO RAN). F. 5. Op. 5. D. 387.
14. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 5. D. 388.
15. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 5. D. 422.
16. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 5. D. 495.
17. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 6. D. 232.
18. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 6. D. 279.
19. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 6. D. 280.
20. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 6. D. 282.
21. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 6. D. 318.
22. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 12. D. 3.
23. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 12. D. 10.
24. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 12. D. 30.
25. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 12. D. 37.
26. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 12. D. 50.
27. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 12. D. 50a.
28. RO IGIIPMNS SO RAN. F. 5. Op. 12. D. 154.
29. Terletskii P. E. Eshche raz k voprosu ob etnicheskom sostave naseleniya severo-zapadnoi chasti Yakutskoi ASSR [Once again to the question of the ethnic composition of the population of the northwestern part of the Yakut ASSR]. *Sovetskaya etnografiya*, 1951, no. 1, pp. 88—99. (In Russian)
30. Ubryatova E. I. *Ocherk istorii izucheniya yakutskogo yazyka* [Essay on the history of the study of the Yakut language]. Yakutsk, Gosizdat YaASSR Publ., 1945. 35 p. (In Russian)
31. Ubryatova E. I. *Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka. Ch. 1. Prostoie predlozhenie* [Studies on the syntax of the Yakut language. Part 1. A simple sentence]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. 304 p. (In Russian)
32. Filippov G. G. *Istoriya izucheniya yakutskogo yazyka i ee perspektivy* [History of the study of the Yakut language and its perspectives]. *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. K. Ammosova*, 2006, vol. 4, no. 3, pp. 58—63. (In Russian)
33. Kharitonov L. N. *Sovremennyyi yakutskii yazyk* [Modern Yakut language]. Yakutsk, YakGiz Publ., 1947. 313 p. (In Russian)
34. Yastremskii S. V. *Grammatika yakutskogo yazyka* [Grammar of the Yakut language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1938. 228 p. (In Russian)